

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СИБИРИ
И СЕВЕРА

ИЭ
Ж-3433

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

XXXIII

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И СЕВЕРА

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX—НАЧАЛО XX В.)

НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1977

Статьи сборника посвящены результатам исследований религиозных культов народов Сибири и Севера — ненцев, енисейцев (кетов), селькупов, нанайцев, нивхов, чукчей, тувинцев — во второй половине XIX — начале XX в. Статьи написаны на основе коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР с привлечением литературных источников и полевых материалов.

Издание рассчитано на этнографов, историков культуры, религиоведов, философов, а также на более широкий круг читателей.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге (отв. редактор),
С. В. Иванов, Л. П. Потапов, А. М. Решетов, Л. М. Сабурова

Ответственный редактор выпуска

И. С. Вдовин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого посвящен одной теме — исследованию религиозных культов народов Сибири и Севера второй половины XIX—начала XX в. В статьях настоящего сборника продолжается изучение религиозного сознания, начатое в сборнике «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера».¹

Привлечение богатых коллекций МАЭ, литературных и архивных источников, а также полевых материалов, собранных авторами статей уже в наше время, позволило провести исследование на широкой источниковедческой основе. Полевые материалы последних лет содержат главным образом опросные данные, разъяснения о назначении разных предметов культа, характере их использования, принадлежности и т. п. Указанные сведения собирались среди наиболее осведомленной в этих вопросах пожилой части коренного населения. Его содействие оказалось весьма полезным.

Материалы и исследования настоящего сборника отражают культы природы и культы, порожденные общественными отношениями, развитием промысловой и хозяйственной деятельности, этническими связями народов Сибири и Севера. Авторы статей рассматривают культы и представления как систему, как две стороны религиозного сознания. Лишь методическая целесообразность предопределила раздельное изучение составных элементов этого целого. В процессе анализа и исследования материалов по культам авторы часто прослеживают их взаимосвязи с теми или иными религиозными представлениями, так как именно эта взаимосвязь вызывает и определяет отправление культов.

В религиозных культах народов Сибири и Севера заметно проявляются разные уровни социально-экономического и общественного развития, на которых находились эти народы в конце XIX—начале XX в., что также нашло отражение в статьях сборника. В сборнике подробно исследованы объекты религиозных культов, формы их выражения (проявления), содержание и назначение культов, социальная структура их (общенародные, родовые, общинные, семейные), культовые места, культовые памятники — «сооружения» и т. п. В системе религиозного сознания народов Сибири и Севера культы занимали ведущее положение. Они сопровождали охотника и рыболова, оленевода и скотовода в их повседневной трудовой деятельности, в быту. Они закреплялись и поддерживались традициями. Вместе с тем они служили наглядным выражением зависимости человека от могучих и часто непонятных сил природы, случайности их проявления. Занятые главным образом промыслами и слабо развитым скотоводством, люди чувствовали себя особенно зависимыми от природы и ее капризов. Отсюда обилие культов природы, их многообра-

¹ Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX—начало XX в.). Л., 1976.

ние, что проявлялось в виде жертвоприношений, угощений, кормлений и т. п. Характер связи и отношения к культовым объектам, ощущение зависимости от них у народов Сибири и Севера существенно отличались от таковых у носителей высокоразвитых религий, например христиан. Окруженные со всех сторон многочисленными «божествами», аборигены Сибири и Севера не чувствовали, однако, себя их рабами. Отношения с ними опирались на принципы, близкие сакральному праву римлян «даю, чтобы ты дал». Обращаясь с призывом о помощи, они знали, что ни одно «божество» не исполнит просьбы бесплатно, что за оказанную помощь оно должно получить вознаграждение в виде жертвы. «Даже там, где человек воображает себя рабом своего бога, — отмечал Г. В. Плеханов, — в культе всегда отводится более или менее широкое место магии, т. е. действиям, имеющим целью *вынудить* у богов известные услуги».² Такого рода отношения с «божествами» вытекали из представления, будто все сверхъестественные существа были человекоподобны не только по внешнему облику, но и по образу жизни, по потребностям. Им свойственно было все людское, в том числе желание получить хорошую пищу и т. п. Кроме того, многие культовые предметы делались самим человеком. Он мог их наказывать и даже уничтожать, если считал, что они плохо ему служат. Народы Сибири и Севера не знали ни покаяния, ни исповеди, ни благочестия. Не привилось у них признание себя рабами «божеств» и в результате упорной пропаганды христианства.

Системное исследование культов народов Сибири и Севера имеет важное историко-этнографическое значение. Детальное изучение культовых предметов, их назначения, характера отправления культов, формул, которыми оно сопровождалось, и т. п. служит одним из источников познания истории далекого прошлого данного народа, его материального производства, ранних элементов духовной культуры.

Культовые предметы и культы — подлинные памятники культуры. Они особенно важны и значимы для народов, которые до недавнего прошлого не знали письменной традиции.

Иллюстрации сборника дадут читателю наглядное представление о специфике и разнообразии объектов культа, культовых предметов, бытовавших и частично бытующих у народов изучаемых регионов. Многие иллюстрации публикуются впервые.

В сборник вошли статьи, содержащие исследования и материалы о религиозных культах ненцев, енисейцев (кетов), селькупов, нанайцев, нивхов, чукчей, тувинцев и иганасан.

Участники сборника понимают, что их усилия не исчерпали всех возможностей в разработке поставленной темы. Необходимо, однако, заметить, что изучение религиозного сознания народов Сибири и Севера с каждым днем становится все труднее. За годы Советской власти кардинально преобразовались условия труда и быта, выросла культура народов. Коренным образом изменилось мировоззрение, его философские основы. Идеология социалистического общества — марксизм-ленинизм — стала нормой и для аборигенов Сибири и Севера. Молодое поколение их уже с удивлением рассматривает в музеях культовые предметы, не зная ни их назначения, ни тех свойств, которые им приписывались. Лишь старшее поколение еще помнит кое-что из религиозной практики, бытовавшей в 20—30-х годах нашего века.

Авторский коллектив выражает благодарность докторам исторических наук М. С. Бутиновой и Д. И. Тихонову за ценные указания и советы, высказанные ими в рецензиях на рукопись.

² Плеханов Г. В. Избр. философ. произв., т. III. М., 1957, с. 363.

Л. В. Хомич

Религиозные культы у ненцев

В настоящей статье будут рассмотрены культы и обряды ненцев, связанные с почитанием сил и явлений природы, духов — хозяев промысловых угодий, домашних покровителей, а также культ умерших и похоронный обряд.

Формы культов зависели от объектов и назначения, поэтому мы обратимся к конкретному материалу.

Как говорилось в статье, посвященной представлениям ненцев о явлениях природы,¹ вся окружающая природа (небо, земля, вода, отдельные объекты природы) имела своих духов-хозяев. К этим духам-хозяевам ненцы обращались за помощью, приносили им жертвы, кормили их и т. д. Часто это делалось без участия шамана, что свидетельствует о древности этих культов.

В ненецком языке есть специальный термин *сауы*, переводимый как неприятности, болезни и другие наказания, посылаемые человеку за невыполнение им религиозных обрядов. Боязнь такого наказания была одной из причин долгого сохранения отпавлений религиозных культов у ненцев.

Культ неба. Небо по-ненецки *нум'*. Некоторые лингвистические материалы свидетельствуют о том, что ненцы предполагали наличие какого-то духа — хозяина неба. Так, обычно говорили: *Нумда пэвсюмя* — «Небо (его) потемнело», т. е. наступил вечер; или: *Тюку яля нумда сава* — «Сегодня небо (его) хорошее», т. е. хорошая погода. Лично-притяжательный суффикс 3-го л. ед. ч. *да* указывает на наличие какого-то «владельца» (ср.: *нисяда* — «его отец»; *уанода* — «его лодка» и т. д.), которого мы будем именовать дух неба, дух — хозяин неба. Нам представляется, что культ относится скорее не к видимому реальному небу, а к какому-то живому существу, им олицетворяемому.

Небу (или, точнее, духу неба) ежегодно весной и осенью приносили в жертву белого оленя. Жертвоприношение осуществлялось просто на открытом возвышенном месте (изображения Нума не делали). Оленя-самца ставили головой на восток и убивали особым способом. О нем сообщает архимандрит Вениамин (1-я половина XIX в.): «...положив оленю на шею веревку, делают удавную петлю и один конец ее привязывают за правую заднюю ногу, а другой за шею удавную же петлю, и, таким образом связав оленя, дают его два человека за шею на ту и другую сторону, а третий за ногу назад; четвертый стоит подле оленя с узеньким ножом и перед самым издыханием жертвы спешит подколоть ее в самое

¹ Хомич Л. В. Представления ненцев о природе и человеке. — В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX—начало XX в.). Л., 1976.

сердце для того, чтобы перехватить дух оленя прежде, нежели он издохнет. Дух оленя, по мнению самоедов (ненцев, — Л. Х.), составляет существенную часть жертвоприношения.² Жертвоприношение Нуму, по данным Вениамина, совершалось с участием шамана, который в момент умерщвления оленя провозглашал: «Нум, мы даем тебе оленя, вот это твой, уведи!». Мясо жертвенного оленя съедали сырым, а голову надевали на кол мордой на восток. Все присутствующие тоже обращались на восток и несколько раз наклоняли головы, так как считали, что Нум в это время сходит с неба для принятия жертвы.³

Нуму посвящались и живые олени. «Каждому из божеств, — сообщает Л. В. Костиков,⁴ — имеющему в жизни хасово то или другое значение, посвящается олень определенной масти. Посвящению этому предше-

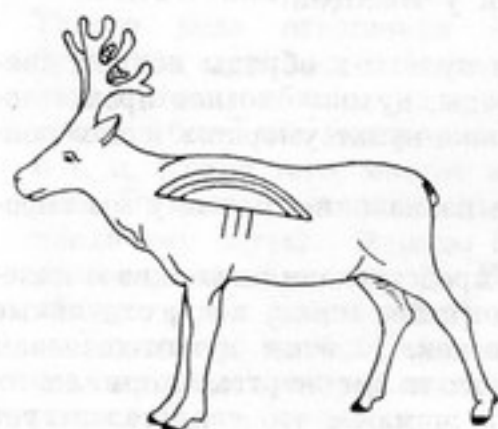

Рис. 1. Тамга, которую ставили на боку оленя, посвященного Нуму.

ствует жертвоприношение, во время которого оленевод теплой кровью жертвенного животного ставит на левом боку посвященного оленя соответствующую богову тамгу...⁵ Тамга, которую ставили на боку оленя, посвященного Нуму, имела вид трех полуокружностей с отходящими вниз тремя полосками (рис. 1). По сведениям, полученным Л. В. Костиковым, концентрические полуокружности означают радуго *нув'пан*, которая считалась украшением одежды Нума, а горизонтальная черта и линии, идущие вниз, — соответственно его спинной мозг и завязки, которыми Нум удерживал оленя около своего мозга. Последнее объяснение

сомнительно, но другим мы не располагаем.

Посвящаемые духам олени выбирались из числа не бывших в упряжке и обычно отличались своей окраской, величиной рогов и т. д. После посвящения их никогда не использовали для хозяйственных нужд, не ловили арканом, вообще старались не прикасаться к ним (не только женщины, но и мужчины). Нуму всегда посвящался олень белой масти.

Не известные ранее данные об особой форме почитания духа неба нам удалось собрать в Надымском районе Ямало-Ненецкого национального округа в 1966 г. Эта форма культа неба носит название *нумд' хаууронта* — жертвоприношение Нуму (от *ханор*, — «бескровная жертва»). Сообщившая мне приводимые данные Н. К. Салиндер в 1960-х годах была на таком «празднике», который происходил на одной из возвышенностей вблизи поселка Ныда.

Жертвоприношение, вернее кормление духа неба, устраивалось обычно в ясный ветреный день в конце июля или начале августа. В назначенное время собирались на горе, куда приносили столики, посуду. Женщины готовили еду, а мужчины в это время рассказывали о случаях, когда небо «рассердилось» (например, человек был убит молнией), или просто какие-нибудь легенды, предания. Потом еду раскладывали

² В е н и а м и н, архимандрит. Самоеды мезенские. — Вестник географического общества, 1855, ч. III, с. 120.

³ Там же, с. 120—121.

⁴ К о с т и к о в Л. В. Боговы олени в религиозных верованиях хасово. — Этнография, 1930, № 1—2. — Хасово (хасава) — самоназвание восточных групп ненцев.

⁵ Там же, с. 115, рисунок.

по мискам, все садились к столикам, но минут десять никто не прикасался к еде — пар от нее шел к небу: считалось, что оно угощается. Потом начинали есть все. После угощения собирали посуду и расходились.

В настоящее время вблизи поселков такие кормления неба не устраиваются, но в тундре они бывают.

Собранные в разное время и в разных районах расселения ненцев материалы о культе неба свидетельствуют о наличии разных форм этого культа: жертвоприношение путем убоя оленя (*хан'*), посвящение живых оленей и «кормление». Наличие развитого культа неба связывает ненцев с народами Южной Сибири, у которых он широко распространен.⁶

Многие явления природы ненцы соотносили с небом — снег, дождь, гром, молнию, радугу, северное сияние. Отсюда желание заручиться расположением Нума: от неба, его хозяина зависит и погода. Сохранились сведения, что после сильных метелей или дождей оленеводы приглашали шамана и он совершал камлание, сопровождавшееся благодарственной жертвой. Существовали различные запреты, относящиеся к явлениям природы: например, нельзя было свистеть во время грозы.

Интересным представляется отсутствие каких-либо форм почитания северного сияния. Оно считалось светом для покойников, которые ночью ездят по тундре.

У М. А. Кастрена имеется описание виденного им во время путешествия по р. Усе (европейский Север) «заклипания ветра». Мы приведем его полностью, так как других данных об этом обряде нет: «Я приподнял полу палатки и был поражен престранным зрелищем. Подле огня двигалось что-то такое, что смутило бы и самого смелого, чуждого всяким предрассудкам человека. Это что-то было закутано в мохнатую оленью шкуру, по которой в самом фантастическом беспорядке болтались суконные полосы всех цветов радуги. Голову, плечи и часть лица покрывало нечто вроде сплошного колпака из шкуры россомахи, украшенного блестящими медными кружками, бренчавшими на спине... Ростом это что-то было едва двух аршин. Оно тихо ходит вокруг очага, на котором разведен огонь, останавливается на минуту на каждой из четырех сторон его и кланяется на все четыре стороны света... Отклонявшись таким образом каждой стороне света, странное существо это село перед огнем, скрестив ноги, издало восклицание: „У-у-у!“ и принялось тихонько постукивать по очагу. Тут я догадался, что это самоедское заклинание ветров...».⁷ Дело в том, что продвижение судна, на котором ехал М. А. Кастрен, задерживалось из-за ветра, а на том же судне ехала «самоедка», которая слыла колдуньей. Одежда, описанная исследователем, могла быть обычной женской одеждой западных групп ненцев.

Культе солнца (*хаер'*) на ненецком материале прослеживается слабо. О приношении оленей в жертву солнцу и луне есть упоминания у Л. В. Костикова.⁸ Участники Гыданской экспедиции АН СССР 1927 г. были свидетелями жертвоприношения по случаю наступления нового года (по старому стилю, 13 января). Это время, когда после полярной ночи появляется солнце. Поскольку позднее этот обряд не был зафиксирован (есть только данные, что «когда-то это отмечали»), мы приведем фрагменты из его описания. События происходили в районе устья

⁶ Майнагашев С. Д. Жертвоприношение небу у бельтиров. — Сб. МАЭ, т. III, Пгр., 1916, с. 93—102 и др.

⁷ Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. — Магазин земледелия и путешествий, 1860, т. VI, ч. II, с. 167.

⁸ Костиков Л. В. Боговы олени..., с. 118—119.

р. Надым, правого притока Оби. «Ветреным холодным утром самоеды запрягли нарты и, привязав к ним праздничные жертвы — двух телят и двух старых важенок... медленно двинулись к священному месту. Снег был довольно глубок. На лесистом холме, откуда виднелись чумы с оставшимися в них женщинами, у подножья косматых священных лиственниц, опущенных инеем, самоеды остановились... Оленей за рога подтащили к священной лиственнице. Хозяин..., держа в руках зеленый сундучок русского изделия, мягко ступая по снегу ногами, подошел к дереву. Выдвинул из ящичка лисью рыжую, как спелая морошка, шкуру и быстро, чтобы русские не видели, что находится в сундучке, со звоном захлопнул шкатулку. На гладкий хорей он нацешил огненную шкуру и прислонил к лиственнице. Затем, бормоча заклинания, он поднес заветную шкатулку к мордам тяжело дышавших жертвенных оленей и крикнул самоедам: „Тыизян! Аркан!“». На одном аркане ненцы сделали четыре петли, надели их на головы оленей и стали тянуть за концы. Так олени были задушены. Присутствующие тут же освежали оленей и стали есть мясо. Хозяин приказал поймать одного самца и на белой шерсти его начертал кровью подобие буквы Ф — символ солнца. Олень был отпущен в стадо, а окружающие деревья окроплены кровью. «Вдали показались женщины, хозяин тотчас же свернул лисью шкуру и запрягал ее в священную шкатулку. Наевшись... самоеды развесили мокрые кровавые шкуры жертвенных оленей на ветви лиственниц, а хозяин смазал полозья нарт кровью, чтобы отогнать цингу. Женщины... увезли недоеденные туши к чумам... Так закончилась встреча самоедского нового года».⁹

Култ хозяев земли, воды, промысловых угодий. Земля, вода, реки, озера имели своих духов-хозяев: *я' ере*¹⁰ — хозяин земли, *ид' ере* — хозяин воды, водяной, *яха' ере* — хозяин реки, *то' ере* — хозяин озера, *пэдара ере* — хозяин леса, и т. д. Ненцы считали, что от расположения этих духов-хозяев зависит их благополучие, успехи в оленеводстве, охоте, рыболовстве. В прошлом с духами-хозяевами даже расплачивались человеческими жертвами.

О том, как это происходило, рассказал уроженец Ямала ненец А. Сэротэтто. Обращение с просьбой или благодарностью к духам (*хау-ронга*) осуществлялось без участия шамана, шаман только указывал, что надо обратиться, когда и где. Перед началом промысла на берегу реки или озера собирались все, кто хотел начать рыбную ловлю в данном водоеме. Они приходили в промысловой одежде, со снастями, готовые к лову. Старший в данной группе обращался к озеру, например со словами:

Хозяин этого озера, где ты?
Ты нужен людям.
Ты очень нужен людям.
По словам шаманов и ясновидящих,
Ты — как человек,
Только спина — как у шуки.
К нам пусть подойдет!
Что мы будем обещать
За хороший улов рыбы?
Ясновидящие, шаманы сказали:
«Пусть будет человек».

После этого можно было начинать лов. Если во время промысла в воду падал человек, его не спасали, так как считали, что это обещанная жертва хозяину озера.

⁹ Тоболяков В. К. верховьям исчезнувшей реки. [М.], 1930, с. 114—116.

¹⁰ Слово *ере* в общественной жизни означает также — «предводитель», «начальник».

Разумеется, приносились жертвы и другого порядка. Так, Ю. И. Кушелевский, например, описал жертвоприношения, которые совершали ненцы во время переправ через Обь или Тазовскую губу при переходе с летних пастбищ на зимние и обратно: на берегу убивали оленя, а его рога вешали на ветви лиственницы, считавшейся у ненцев «светлым деревом» (*яля ня*).¹¹

При промысле в открытом море, если поднимались волны, в воду бросали ружье.¹² Существовал также обычай при снятии шкуры с морского зверя вырезать у него глаза и бросать в лунку во льду или просто в море. Объясняли это тем, что зверь не будет знать, кто его убил, и придет снова.¹³

По сведениям, полученным в Надымском районе в 1962 и 1966 гг., ежегодно весной, перед началом лова рыбы, совершалось *ит' хау-ронга* — жертвоприношение воде. Собирались рыбаки и, обращаясь к хозяину воды, опускали в воду немного жира или какой-либо другой еды.

Шаманы среди изображений духов-помощников имели обычно и изображение *ид' ерв* или *ид' ерв не* — хозяина или хозяйки воды. Это изображение перед началом и во время промыслового сезона кормили, смазывая рот кровью и жиром убитого оленя.

У ненцев существовал культ земли. Вероятно, наиболее древняя форма сохранилась в виде обычая не спасать человека, провалившегося в яму. На Ямале приходилось слышать рассказы, что в прошлом ненцы и нижнеобские ханты даже забрасывали землей понавшего в яму человека, считая, что его забрала земля.

Земля обеспечивала произрастание ягеля, кустарников, трав. Среди духов — помощников шаманов встречались и изображения духа земли. Во время камлания шаман просил у него хорошего корма для оленей.

Дух — хозяин земли представлялся и в образе мужчины (*я' ерв*) и в образе женщины (*я' ерв не*). Возможно, здесь мы имеем дело не с какими-то более ранними или более поздними представлениями, а с представлением о том, что духи — хозяева природы, как и люди, живут семьями и женщина является женой мужчины. Об этом говорит наличие в пантеоне духов-хозяев ненцев таких, как *я' ерв ню* или *ид' ерв ню*, что значит «сын хозяина земли», «сын хозяина воды». Семьи встречаются, как мы увидим дальше, и среди антропоморфных культовых предметов.

Я' ерв и *я' ерв не* — добрые духи. Однако земля, по старым представлениям ненцев, населена большим числом злых духов, и среди них олицетворение злого начала — дух подземного царства, дух болезни и смерти *Ца*. Желая оградить себя от несчастий, ненцы старались умиротворить *Ца*. Для этого приносили в жертву оленя или собаку. Жертвенное животное тоже давили, но — в отличие от жертвоприношения духу неба — оленя ставили головой не на восток, а на запад, и обряд совершали на закате солнца. Жертвоприношение *Ца* совершалось во время камлания шамана в чуме больного, но производилось снаружи, против места, где находилась голова больного. Мясо жертвенного животного съедалось присутствующими сырым, а голову с рогами надевали на шест и ставили на ближайшее священное место, обратив морду оленя на запад.¹⁴

Под землей жили также различные злые духи (*уылека*, от *уыл* — «низ»), насылавшие на людей болезни. Защитой от них служили обе-

¹¹ Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868, с. 114.

¹² Евладов П. В. В тундрах Ямала. Свердловск, 1930, с. 32.

¹³ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 4, с. 139.

¹⁴ Вениамин. Самоеды мезенские, с. 121.

реги, амулеты, главным образом медные колокольчики, пришиваемые к детской одежде, и другие металлические предметы.

О каких-либо жертвоприношениях, связанных с *ҟылека*, слышать не приходилось.

Кульг гор и камней. Если у соседей ненцев — саамов — культ камней изучен и описан довольно подробно, то ненецкий материал привлекал значительно меньшее внимание. Между тем, культ гор и камней у ненцев распространен достаточно широко.

Одним из наиболее почитаемых у них священных мест (*хябидя я*) было жертвенное место на о-ве Вайгач. Согласно преданию, приведенному В. Иславиным, сначала там ничего не было; потом появился утес, который все рос и рос и наконец образовал подобие человека. С тех пор пораженные этим чудом ненцы стали верить в его помощь при болезнях и промыслах и приносить ему в жертву оленей. Так как ненцы у Вайгача бывают только в весеннее и летнее время для промысла моржей и белых медведей, то, «чтобы иметь при себе всегда изображение чудотворного камня», они или «откалывают от этого камня кусочки, принося при этом жертву, или просто находят камень какой-либо странной формы и возят их с собой».¹⁵ Описаний жертвенного места на Вайгаче имеется много. Последним его весьма подробно описал архимандрит Вениамин (миссия, которую он возглавлял, в 1828 г. уничтожила это священное место). По сообщению Вениамина, на Вайгаче издавна почитались главным образом два идола: один на южном конце острова, так называемый Вэсако (Старик), а другой на северном — Хадако (Старуха). Кроме них, Вениамин обнаружил на острове 420 деревянных скульптурных изображений, а также следы жертвоприношений в виде огромных куч черепов оленей и белых медведей. По преданию, у этих Вэсако и Хадако были четыре сына, «которые разошлись в разные места по тундрам: Нью-хег, сын-идол, небольшой утес на Вайгаче; Минисей, возвышение Уральского хребта; Ямал, на западной стороне обской губы, и Козьмин перелесок в Канинской тундре».¹⁶

Помимо приведенных широко известных священных мест, почитались крупные валуны, встречающиеся в тундре. Фотография одного из них, обнаруженного автором статьи на п-ве Канни, приведена в книге «Ненцы».¹⁷ Неровности поверхности камня отдаленно напоминают черты человеческого лица. Возле валуна — следы жертвоприношений (оленьи рога, лоскутки сукна и т. п.) (рис. 2). По словам местных жителей, прежде такие места были у многих семей, теперь они обычно общие: каждый, кто проезжает мимо, оставляет что-нибудь (щепотку табака, немного вина, монетку). У духа данного места просили удачи в охоте, рыболовстве, выздоровления больного.

Имеются сведения о наличии у ненцев каменных изваяний. К сожалению, эти изображения не зафиксированы в виде рисунков или фотографий, о них можно судить только на основании рассказов ненцев.

Об одном из них нам рассказал в 1962 г. в Тибей-Сале на р. Таз М. Ямкин. По его словам, три-четыре года назад он вместе со своим отцом, А. Ямкиным, и другими мужчинами из рода Цасяда — Ямкиными и Лырминными — посетил в районе Нямбой-то место, где стояла священная нарта. Нарта эта имела семь пар копыльев, на передних частях нащепы — по семь зарубок, а головки нарт были вырезаны в виде человеческих голов. На нарте был установлен деревянный ящик с отвер-

¹⁵ Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847, с. 114.

¹⁶ Вениамин. Самоеды мезенские, с. 122—125. — По данным Вениамина, Вэсако представлял собой антропоморфное изображение из дерева.

¹⁷ Хомич Л. В. Ненцы. Л., 1966, с. 201.

ствием или подобием дверцы. Приехавшие задушили оленя и кровью животного намазали рот помещенного в ящик культового изображения. Последнее представляло собой антропоморфную фигуру, высеченную из черного камня (базальта?). М. Ямкину, когда он заглянул в отверстие ящика, бросилась в глаза выразительность лица этого каменного изображения — нависшие над глазами надбровные дуги, выпуклый лоб. Насколько он смог рассмотреть, это было изображение типа бюста — руки, видимо, не были обозначены. Это святилище считается принадлежащим

Рис. 2. Жертвенное место на п-ве Канин (МАЭ, колл. № И-1832—86).

роду Насыда (его ответвления сейчас носят фамилии Лырмины и Ямкины). Здесь приносят жертвы весной и осенью (М. Ямкин был там осенью). Нарты с изображением время от времени перевозят с места на место, и его местонахождение хранится в тайне.

Описанное каменное изваяние, видимо, не единично. В том же 1962 г. Г. М. Ямкин рассказал, что два ненца когда-то заблудились и видели где-то в районе Ямбурга или Антипаюты (Тазовская тундра) в тундре каменную фигуру без рук. Потом, вернувшись в Тибей-Сале, ненцы пытались расспросить, что это за место, но не могли ничего выяснить. Люди, приезжавшие в Тазовское с Пэ-Яха (в районе Пай-Хоя, Северный Урал), тоже видели две фигуры из камня. Одна изображала как бы сидящего и смотрящего из-под руки человека, другая — человека с веслом.

В 1930 г. председатель Ненецкого окрисполкома И. П. Выучейский рассказал Г. Д. Вербову, что в Малой Земле, на Болванской сопке, он видел каменного идола с медными глазами, возле которого лежало много костей оленя. Хозяин чума, в котором тогда жил И. П. Выучейский, принес в жертву теленка, задушив его около изваяния.¹⁸

¹⁸ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 5, с. 24.

Малоземельская тундра (левобережье р. Печоры в районе устья), Северный Урал, Тазовская тундра — таков ареал распространения каменных изваяний, о которых мы, к сожалению, знаем еще очень мало.

Нередко встречаются у ненцев небольшие камни, взятые от каменных святиль о-ва Вайгач или просто подобранные в тундре, подчас не обладающие какой-либо особой формой, но почитавшиеся в качестве предметов культа. Наряду с антропоморфными и зооморфными скульптурными изображениями из дерева они выполняли различные «функции» в жизни ненцев и хранились в священных саях (*хэхэ хан*) или чумах у стенки против входа (*си'* — «чистое место»). Эти камни одевали в миниатюрные одежды, сшитые по образцу ненецкой мужской или женской одежды, или завертывали в тряпицы, перевязывая поясом (рис. 3). Они служили покровителями семьи, к ним обращались за помощью, их кормили, дарили им новые одежды в благодарность за выполнение просьб и благополучие семьи.

Рис. 3. Культовый предмет, представляющий собой священный камень в одежде из сукна и меха (МАЭ, колл. № 1139—19).

Упоминания о каменных домашних святилищах содержатся в описаниях путешествий многих авторов. Так, в трудах П. С. Палласа мы читаем: «Сколько известно, то каждый из них (ненцев, — Л. Х.) у себя дома собственного болвана имеет; и это иногда какой-нибудь чудный камешек и другое что курьезное...».¹⁹ В. Иславин сообщает о двух предметах культа, увиденных им на священных саях: «...под шкурой разостлан был ковер, которым

покрыты были два болванчика: один с каменной головой, обмазанной кровью, в малице серого сукна, с красными пандами и нашивками, а другой простой черный камень, с оконечностью наподобие головки, тоже обмазанной кровью, в зеленой малице с красными и желтыми оборками...».²⁰ Функции этих каменных домашних «божеств» (*хэхэ*) были разнообразными. В коллекциях МАЭ хранится несколько таких священных камней: одни из них считались покровителями морского промысла (колл. № 1659—3), другие — оленеводства (колл. № 1315—3, 5707—15—22), рыбной ловли (колл. № 5707—10). Некоторые предметы культа, представляющие собой «одетые» камни, служили охранителями семьи, защитниками от болезней и т. д. (колл. № 1139—15, 19).

Среди почитаемых ненцами духов — хозяев объектов природы на

¹⁹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, 1-я половина. СПб., 1778, с. 105.

²⁰ Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту, с. 115.

Ямале можно назвать *пэ ере не* — «хозяйка гор, камней». (Словом *Пэ* — «камень» — ненцы называют Урал). Ненцы, кочевавшие в районе Уральского хребта, боялись лавин с гор, и шаман обращался за покровительством к хозяйке. Ее изображение, в частности, было среди предметов культа ямальского шамана Хасаво Сэротэтто. Оно представляет собой камень серовато-черного цвета (размерами примерно 4×16 см), по форме отдаленно напоминающий горбатого человека в меховой женской зимней одежде. К пояску прикреплено колечко.²¹

Таким образом, культ гор и камней у ненцев занимал значительное место в общей системе культов. Почитали и природные скалы, и утесы, и крупные валуны, встречающиеся в тундре, а также небольшие камни, которые одевали, кормили и возили с собой при перекочевках. Имеются сведения и о каменных скульптурных изображениях — наименее изученной категории культовых предметов ненцев.

Только некоторые из них (например, хозяйка Урала) выполняли функции, связанные непосредственно с горами, другие же помогали в морском зверобойном промысле, оленеводстве, охоте, содействовали благополучию семьи и т. д.

Култ деревьев. Священным деревом ненцев считалась лиственница (*харе* или *яя ня*, буквально — «светлое дерево»). В зоне лесотундры растущую на корню лиственницу обвешивали лоскутками цветных тканей, шкурками пушных зверей, рогами принесенных в жертву оленей. До недавнего времени такую священную лиственницу можно было видеть вблизи поселка Сюней-Сале (Юго-Восточный Ямал).

Ненец М. Ямкин рассказал мне в 1962 г., что, когда он учился в школе в г. Салехарде, вместе с ребятами ходил довольно далеко в лес за кедровыми орехами. В лесу они разожгли костер, от которого загорелись деревья. С трудом удалось потушить огонь. Тогда всех поразило, что стоявшая вблизи лиственница, растущая на семи корнях, со следами подношений на ветвях, совсем не была затронута огнем, хотя соседние деревца пострадали. Позднее он хотел найти то место, но не смог.

В более северных, тундровых районах, где лиственницы уже не встречаются, сухая лиственница, привезенная из районов зимних кочевий, является (особенно на Ямале) непременной составной частью священных мест. Возле нее, воткнутой в землю, располагают культовые изображения (*сядэй*) из дерева, а также приносимые в жертву рога оленей, лоскутки цветных сукон, монетки и т. д.

Сухие лиственницы на священных местах в тундре, на наш взгляд, свидетельствуют о более южном месте появления этого культа (лесной зоне).

У ненцев встречаются антропоморфные изображения, вырезанные на высоких пнях (до 1.5 м). Одно из таких изображений еще в 1960-х годах существовало на берегу р. Таз вблизи рыбацкого поселка Нядомарра (рис. 4). На высоком берегу примерно на высоте человеческого роста спилено дерево (в данном случае сосна — *хады*). В верхней части пня находится изображение человеческого лица. На голову фигуры надет платок, на туловище — различная хлопчатобумажная одежда: платья, кофты, пояса, платки. Культовый предмет считается помогающим в рыболовстве, оленеводстве. Название его *пухуця* — «старуха». Многочисленная одежда — подношения в благодарность за помощь.

Из дерева же изготовлялась основная масса культовых предметов.

²¹ Это изображение было в 1974 г. вместе с некоторыми другими передано в МАЭ сыном Хасаво Сэротэтто — Анатолием.

Культ огня. У ненцев не было зафиксировано развитого культа огня, нет данных о родовом характере огня очагов. Тем не менее можно отметить черты особого отношения к огню.

Огонь считается чистым, в него нельзя бросать мусор, плевать в него. В последнем случае человек наказывается недержанием мочи (Ямал, 1966 г.). Огонь «реагирует» на появление существ иных миров потрескиванием и шипением. В чуме «странное» поведение огня связывается с возможным появлением какого-нибудь духа или души умерших. В эпи-

ческих песнях, наоборот, приход живых людей в чум жителей потустороннего мира сопровождается вспышкой и потрескиванием огня.

Считалось плохим предзнаменованием попадание искр или угольков от костра на волосы женщины, бывало, что в таком случае ее даже оставляли в тундре.²²

Костер в чуме играет большую роль во время камланий шаманов.

Обряды, связанные с животным миром. Некоторые вопросы, относящиеся к культу животных (в частности, табуирование их названий), нами были освещены в упомянутой статье «Представления ненцев о природе и человеке». Здесь же мы несколько подробнее остановимся на обрядовой стороне отношения ненцев к животному миру.

Олень являлся жертвенным животным у ненцев. Как отмечалось, формой принесения его в жертву был убой способом, отличным от того, который приме-

нялся для обычного убоя оленей на пищу, шкуры и другие бытовые нужды (их душили, а не оглушали, хотя потом и в том, и в другом случае сердце животного поражали ножом). Другой формой принесения оленя в жертву было его посвящение. При жертвоприношениях большое значение имела масть — в жертву добрым духам приносили белых животных.

Культовые изображения оленя встречались редко и связаны с деятельностью шаманов.²³

Сохранению стада и плодovitости важенок способствовало *ты яб'* — «оленье счастье». Ты яб' представляло собой комки оленьей шерсти.

²² Кузнецова А., Ноготысов С. «Пятеро смелых». — Наръяна Вындер, 18 ноября 1939 г.

²³ Фигурки оленей, грубо выструганные из брусочков дерева, встречались среди детских игрушек.

Рис. 4. Культовое изображение пухуца на берегу р. Таз (рис. с фото, МАЭ, колл. № И-1922—30).

которые изредка находят у убитых оленей под кожей на шее. Их бережно хранили наряду с другими предметами культа.

Есть сведения, что у некоторых групп ненцев Северного Ямала жертвенным животным была собака. У Ю. И. Кушелевского приводится легенда, которая повествует о связи собаки с темными силами.²⁴ Возможно, собака приносилась в жертву духам нижнего мира.²⁵

Из других животных, следы почитания которых можно отметить, назовем медведя и волка. С добычей медведя были связаны некоторые ритуальные действия. Так, у тазовских ненцев тушу убитого бурого медведя домой не возили, а разделявали в лесу. Голову вешали на де-

Рис. 5. Изображение медведя из дерева (МАЭ, колл. № 1655—3).

рево, а кости зарывали в землю. Мясо варили здесь же, в лесу, а потом уже в чашках и мисках уносили домой.²⁶ Сохранилось воспоминание об обычае брать на охоту беременную женщину. Охотник якобы прятался за ее спину и из-под мышки женщины стрелял в медведя. Ненцы считали, что на беременных женщин медведь не нападает.²⁷ Представляет интерес фигурка сидящей женщины, которая была подарена Б. Житкову. Этот старый культовый предмет, по словам ненцев, был очень полезен охотникам на медведя.²⁸ Довольно редко встречаются культовые изображения медведя (рис. 5).

Несмотря на то что волк считался враждебной силой, наносящей большой вред оленеводству, специально на него не охотились. Его добывали только во время загона песцов, когда вместе с другими зверями волк попадался в замкнутый круг. В МАЭ хранятся небольшие скульптурные изображения волка из дерева (рис. 6). Воплощенный в этом материале, волк становился покровителем человека и был призван оберегать стадо оленей от реальных волков.

Сила культовых предметов проверялась на практике. Вот как об этом рассказывает В. Иславин: «Бывает так, что сядя самоеды привяжут к деревянному волку, сами залягут спать и поставят сядя с волком к стаду, для того чтобы он стерег его от нападения волков; если же в ночь на беду волк затронет оленя, то за все отвечает божок и, разумеется, получает побои...».²⁹

²⁴ Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ямал, с. 116—117.

²⁵ Интересно сообщение ямальского ненца А. Сэротэтто о том, что, по старым представлениям ненцев, земля плоская и расположена на спине черной собаки, которая плавает в безбрежном океане, от ее покачивания происходит смена дня и ночи (1974 г.).

²⁶ Сообщение Л. Г. Ямкиной, 1962 г., Тибей-Сале.

²⁷ М. Ямкин слышал от рыбаков-ненцев на стойбище Нядомарра.

²⁸ Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913, с. 51.

²⁹ Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту, с. 116—117.

Из рыб особое отношение наблюдалось к осетру, налиму и некоторым другим, чистить которых женщинам запрещалось. Миниатюрные изображения рыб часто встречались среди предметов культа ненцев.

Почитаемыми птицами у ненцев были гагара, с которой связывали появление земли из водного пространства, лебедь, утка. Изображение священной птицы надевали на верхнюю часть шеста (сымзы). Обычно его вырезали из дерева в виде сидящей (или плывущей?) птицы со сложен-

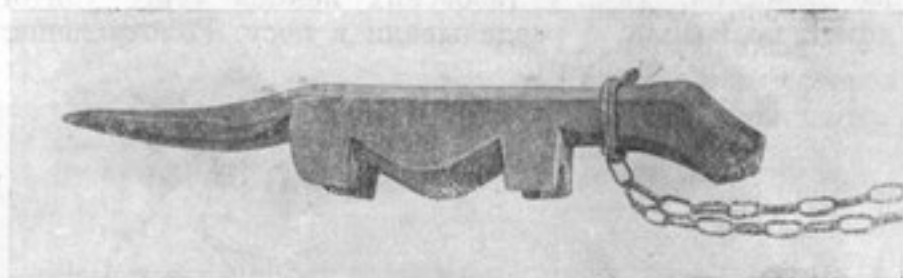

Рис. 6. Изображение волка из дерева (МАЭ, колл. № 2427—8).

ными крыльями (рис. 7). Скульптура имела отверстие для надевания на шест. По некоторым данным, птицы, сидящие на одном из выступающих над чумом шестов, являются как бы воплощением священной птицы Минлей, взмахи крыльев которой создают ветер. Чум шамана всегда имел фигуру птицы. Среди культовых предметов встречается изображение ворона (рис. 8).

Отметим, что все птицы являлись объектами промысла. Отдельные случаи запрета были связаны с шаманством.

Рис. 7. Изображение гагары из дерева (МАЭ, колл. № 2407—9).

Обилие в тундре и лесотундре комаров вызвало к жизни рассказы о том, откуда они появились. По одному варианту, злая ведьма (*паруэ*) сожгла свою старую одежду и разлетевшиеся по ветру пепел и зола превратились в комаров. Согласно другому, комары — это вши *парцэ*, которая, рассердившись на людей, наслала на них насекомых.

Священные (жертвенные) места и предметы культа, изготавливавшиеся человеком. Священные места (*хэбидя я*, *хэхэ я*), центром которых бывали или камни причудливой формы, или лиственница (иногда и то, и другое), по своим общественным функциям разделялись на локальные, родовые и семейные. Наиболее крупные и известные, такие как на о-ве Вайгач или Козьмин перелесок на п-ве Канин, почитались всеми ненцами, кочевавшими или промысливавшими в районе данного святилища и даже за пределами его. Более мелкие, разбросанные в прошлом по всем тундрам, населенным ненцами, носили родовой или семейный характер.

Приведем здесь описание жертвенного места ямальных ненцев Яумал-хэ, какими его застал в начале нашего века исследователь Севера Б. М. Житков. Это «длинный ряд куч сядав, обложенных черепами жертвенных оленей, обвязанных обрывками шкур, сукна и занесенных снегом. Яумальский шайтан, по выражению самоедов: „живет в семи чумах“. Это значит, что деревянные идолы (сядаи) сгруппированы в семь³⁰ отдельных куч, стоящих вытянутым рядом в нескольких шагах расстояния одна от другой. Несколько идолов стоят, кроме того, отдельно по одному и по два... В середину каждой кучи, как это обычно и на других жертвенных местах Ямала, вставлена сухая лиственница — священное дерево самоедов. Каждая куча сядав считается местом поклонения отдельных родов самоедов».³¹ Как мы видим, здесь родовой признак в отправлении культа выражен достаточно четко. Вспомним также о родовом характере почитания каменного изваяния, установленного на нарте в Тазовской тундре. Имеются и другие данные о родовой принадлежности многих священных мест и объектов культа у ненцев.³²

Будучи единообразными по характеру и основным компонентам, священные места ненцев различались по деталям. Приведем описание встреченного В. Тоболяковым около Гыданского залива: «Недалеко от чумов, на краю крутого высокого склона расположено жертвенное место. Здесь навален белый сугроб оленьих черепов, покрывшихся лишайниками. Есть среди них и свежие, с засохшими остатками мяса. В кучу воткнуты лиственницы, а на их ветвях — мешочки с волосами жертвенных оленей. Около поломанных нарт висит старый обод шаманского бубна...».³³ Примерно в том же районе есть другое священное место: «На трех палках качаются две высохших от ветра рыбы, а на земле лежит камень, обильно политый рыбьим жиром. Это остатки жертвоприношения перед рыбными промыслами. Здесь же куча оленьих рогов с воткнутыми лиственницами, которые самоеды везли для этой цели несколько сот километров».³⁴ В последнем случае мы видим сочетание культа деревьев и камней; жертвы, которые им приносили, различались. Приведем описание еще одного жертвенного места, увиденного в 1930-х годах Г. Д. Вербовым в северной части п-ва Ямал: «На святом месте на берегу речки оказалась сухая лиственница с большим числом позвонков жертвенных оленей, надетых на ее ветви, *jale pa* с надетым на ее конец *minlej'em*, нос которого был явно намазан жиром. На одной из ветвей лиственницы висел кусок мяса, правда, очень обветрившийся и высохший. Здесь же была воткнута новая *jale pa*, совсем новая, с семью заруб-

Рис. 8. Изображение ворона, помогающего собрать стадо оленей после нападения волков (МАЭ, колл. № 1315—4).

³⁰ Семь — сакральное число у ненцев.

³¹ Житков Б. М. Полуостров Ямал, с. 49—50.

³² Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 9, с. 64.

³³ Тоболяков В. К верховьям исчезнувшей реки, с. 61.

³⁴ Там же, с. 63.

Рис. 9. Жертвенное место на берегу р. Сё-Яха на Северном Ямале (МАЭ, колл. № И-1160—89).

Рис. 10. Культовое место в районе пос. Яр-Сале на Южном Ямале (МАЭ, колл. № И-1943—262).

ками. Все сооружение укреплено несколькими камнями». ³⁵ Сходное жертвенное место (рис. 9) было сфотографировано Г. Д. Вербовым на берегу р. Сё-Яха (Северный Ямал). Оно принадлежало ненцам из рода Вануйта и служило для принесения жертв (голов молодых оленей) перед началом рыбной ловли и охоты на нерпу. ³⁶ Здесь стояли антропоморфные изображения из дерева (*сядэй*). В прошлом священные места встречались в тундре очень часто. Л. Н. Гейденрейх в своей работе назвал местоположение нескольких жертвенных мест только в районе Канинского хребта. ³⁷ Они встречаются и сейчас. Ранее уже говорилось о посещенном нами жертвенном месте на п-ве Канин, а также о деревянном идоле на берегу р. Таз. В 1966 г. нами было обнаружено священное место в районе пос. Яр-Сале (Южный Ямал). Посреди свободного от деревьев участка лесотундры возвышается небольшая, поросшая травой сопка. У ее подножья лежало несколько антропоморфных скульптурных изображений из дерева длиной 30—40 см. На верхних концах обрубков стволов маленьких деревьев были грубо намечены черты человеческого лица. Туловища изображений были обернуты в куски белого и голубого ситца и подпоясаны. Состояние культовых предметов и их одежды указывает на сравнительно недавнее создание данного священного места. Никаких следов жертвоприношений вокруг обнаружено не было (рис. 10).

«Священными» места признавались часто по указанию шамана. Бывало, что на этом месте кто-нибудь испугался, провалился под лед, утонул, кому-то явилось видение и т. д. Тогда шаман говорил, что это место должно почитаться, что здесь нужно какой-либо предмет поместить и считать его хэхэ — хозяином данного священного места. ³⁸ Иногда, как упоминалось, это был просто своеобразный камень посреди тундры, или лиственница «на семи стволах», или что-то другое не совсем обычное, что будило воображение и заставляло ненцев избирать данное место в качестве хэхэ я.

Устанавливаемые на жертвенных местах (как и хранящиеся в чумах) культовые антропоморфные изображения из дерева (*сядэй*) можно разделить на три основных типа. К первому относятся грубо обработанные в виде кольев стволы деревьев или сучки (длиной от 15 см до 1,5 м), в верхней части которых — подобие человеческого лица. Лицо образовано двумя сходящимися гранями, на них зарубками обозначены глаза, нос, рот (рис. 11). Ко второму типу следует отнести антропоморфные изображения, сделанные более тщательно и в другой манере. Они имеют круглое плоское лицо (иногда вместо глаз — сквозные отверстия или металлические заклепки) и туловище с грубо намеченными руками и ногами (рис. 12). Некоторые изображения — парные, скрепленные вместе, представляют собой обычно мужа и жену (рис. 13). Третий тип — деревянный ствол, на котором одно над другим вырезаны семь человеческих лиц. Нижний конец ствола обычно заострен.

О количестве деревянных скульптур на широко известных священных местах могло дать представление упоминавшееся нами число уничтоженных миссией идолов на о-ве Вайгач — 420. На священном месте, носящем название Козьмин перелесок (в 20 верстах от г. Мезени), миссией архимандрита Вениамина было сожжено 100 культовых изображений из дерева. Среди них были изображения всех трех типов и даже не-

³⁵ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 9, с. 52.

³⁶ Там же, с. 110—111.

³⁷ Гейденрейх Л. Н. Канинские самоеды. — Советский Север, 1930, № 4, с. 26.

³⁸ Житков Б. М. Полуостров Ямал, с. 51; Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 70, с. 29—30.

сколько вырезанных на пнях.³⁹ Это свидетельствует об использовании культовых предметов разного внешнего вида одними и теми же группами ненцев.

У многих исследователей возникал вопрос, чем объясняется наличие среди культовых предметов ненцев столь разных по своему внешнему облику?

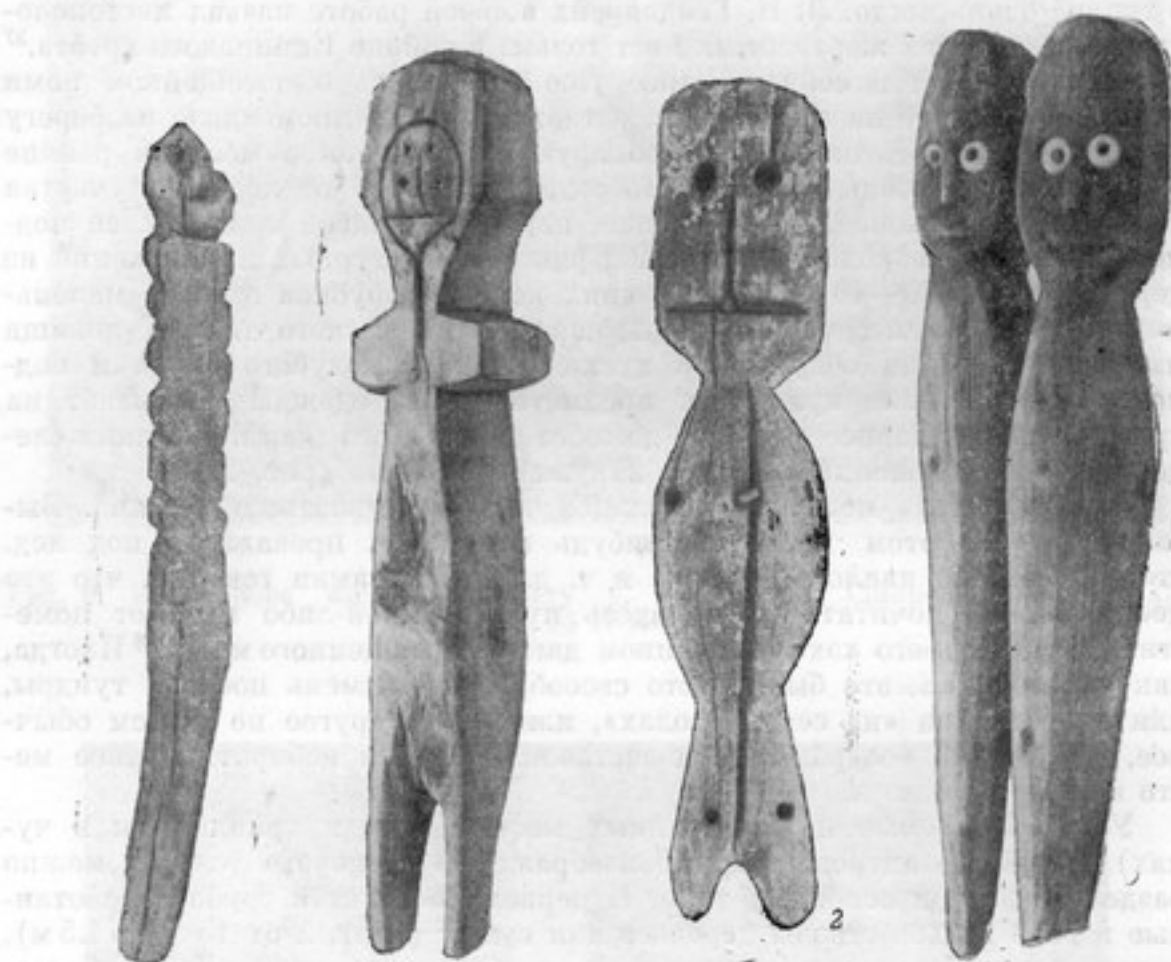

Рис. 11. Культовое антропоморфное изображение — 1-й тип (МАЭ, колл. № 6665—2).

Рис. 12. Культовые антропоморфные изображения — 2-й тип (МАЭ, колл. № 27—34 и 6665—1).

Рис. 13. Духи-покровители муж и жена (МАЭ, колл. № 2407—1).

Через 10 лет после уничтожения вайгачского святилища миссией Вениамина это место посетил А. Шренк. В некотором отдалении от бывшего священного места он обнаружил новое, со следами недавних жертвоприношений. Рассматривая стоящих здесь сядзев, А. Шренк обратил внимание на их особенности: «На верхних концах кольев вырезаны самым грубым образом черты лица человеческого, причем, как кажется, образом служили черты не самоедского лица, а какая-то другая норма; голова суживается у них к макушке, тогда как голова самоеда имеет вид шара; лоб и нос вырезаны одной дугой, представляющей вид свода, который выдается острым углом; от этого получается высокая лобная кость и орлиный нос, между тем как выдающиеся скулы монгольского племени совершенно исчезают...».⁴⁰ Действительно, к реальному монголоидному облику ненцев в какой-то мере приближается лишь второй тип де-

³⁹ Вениамин. Самоеды мезенские, с. 125—126.

⁴⁰ Шренк А. Путешествие по северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам в 1837 г., т. I. СПб., 1855, с. 314—315.

деревянной религиозной скульптуры. Если считать, что люди создавали богов себе подобными, то откуда же «остроголовость» значительной части ненецких антропоморфных предметов культа?

Ответить на этот вопрос сложно. Большинство ненцев при попытке выяснить, почему та или иная скульптура имеет данную форму, сообщали, что такими видят своих духов шаманы. По указаниям шаманов и изготовлялись культовые предметы. Естественно, что это объяснение не может нас удовлетворить. Во-первых, вероятно, религиозная скульптура изготовлялась и до появления шаманства; во-вторых, она изготовлялась и в более позднее время часто без участия шаманов. Кроме того, приведенное объяснение не раскрывает, почему шаманы видели своих духов именно в тех формах, которые широко представлены у ненцев на всей территории их расселения.

Исследователь искусства народов Сибири С. В. Иванов, сопоставляя религиозную скульптуру у различных народов Сибири, считал возможным соотнести скульптурные изображения ненцев первого типа с северным аборигенным пластом, в частности потому, что аналогичные скульптурные изображения встречаются у народов крайнего северо-востока Азии. Второй тип антропоморфных культовых предметов ненцев встречается среди таковых у хантов, манси, селькупов, кетов.⁴¹ Следует отметить, что ненецкая скульптура первого типа чаще встречается на общественных святилищах под открытым небом, тогда как второго — среди домашних покровителей. Для священных мест характерна и скульптура третьего типа, состоящая из вырезанных друг над другом лиц.

Вопрос о генезисе деревянной религиозной скульптуры у ненцев требует специального исследования. Предварительно, видимо, можно согласиться с С. В. Ивановым, который считает, что остроголовые ксөөнические фигуры могли сформироваться у досамодийского населения циркумполярной зоны. Об этом, по нашему мнению, могут косвенно свидетельствовать, в частности, данные де Ламартиньера: он приводит изображение жителей Новой Земли, остроконечные шапочки которых полностью соответствуют форме головы почитаемых ими идолов.⁴² Новоземельцы де Ламартиньера — остатки какого-то досамодийского населения.

Круглоголовые скульптурные изображения связаны с более южными районами.

Семейные охранители и покровители. Как говорилось, помимо устанавливаемых на местах деревянных (изредка каменных) скульптур, существовала большая категория домашних или семейных духов-покровителей, представляющих собой деревянные изображения или камни небольших размеров. Ненецкое название для этих духов и их изображений (или вместилищ) — *мяд' хэхэ* (*мяд'* от *мя'* — «чум»; *хэхэ* — общее название культовых предметов и духов, воплощенных в них). Хранились они обычно в каком-либо сундуке или ящичке, который во время переездов устанавливали на особые священные нарты (*хэхэ хан*), а во время остановок вносили в чум и помещали в священной части чума напротив входа — между стенкой чума и шестом сымзы. Домашние покровители в отличие от находившихся на урочищах всегда бывали одеты в миниатюрные малицы или паницы (часто по несколько — одна на другой) или завернуты в доскутки тканей.

⁴¹ Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX—первой половины XX в. Л., 1970, с. 97, 284.

⁴² Ламартиньер П. М. де. Путешествие в Северные страны (1653 г.). — Зап. Московского археологического ин-та, т. XV, М., 1912, с. 77, 92.

Значительная часть домашних покровителей считалась покровителями всей семьи. Они способствовали успехам в оленеводстве, рыболовстве, охоте, благополучию семьи, оберегали от болезней, различных несчастий. Иногда кого-то из семейных покровителей выставляли к оленьему стаду или на промысловом угодье, ожидая от него помощи и обещая взамен жертву в виде крови убитого оленя или новой одежды,

Рис. 14. Семья домашних духов-покровителей (МАЭ, колл. № 1315—6, 7, 8).

украшений. Таким образом, резкой грани между домашними покровителями и культовыми предметами, находившимися на урочищах, не было, поэтому более удачным термином следует считать «семейные покровители», несмотря на их название, связанное с чумом.

Покровители семей часто сами представляли собой целые семьи (колл. № 1659—7, 8; 1315—6, 7, 8).⁴³ Обычно это муж и жена, иногда и сын (рис. 14). Половозрастные отличия подчеркнуты выпуклостями тела, чаще же — характером одежды, женской или мужской. Их ненецкие названия — *хасава сядэй* (или *хэхэ*), *пухуця хэхэ*, *ню хэхэ*, т. е. мужчина-идол, старуха, сын. Интересно, что лица некоторых изображений (колл. № 1659—7, 8) закрыты железными масками с прорезями для глаз, — деталь, не характерная для культовых предметов ненцев. Семейные покровители передавались по наследству из поколения в поколение; изготовлялись и новые в связи с какими-либо обстоятельствами

⁴³ Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири..., с. 80—82.

(в конце XIX—начале XX в. обычно по указанию шаманов); пантеон семейных покровителей пополнялся также за счет взятых с о-ва Вайгач или иного священного места камней, почитавшихся наряду с деревянными скульптурными изображениями. Обычно семейные покровители передавались по мужской линии. Исключение составляла одна категория предметов культа, которая передавалась исключительно по женской линии. Это — особые покровительницы женщин, деторождения.

Главная покровительница женщин *мяд' пухуця*, что значит «чумовая старуха» или «старуха чума». Иногда *мяд' пухуця* выступает под названием *я' небя*, что дословно значит «мать земли», или *я' мюня* — «пупок земли». Представляется, что название *мяд' пухуця* больше относится к предмету культа, а другие приведенные названия — к духу, в нем воплощенному.⁴⁴ Характерно, что *мяд' пухуця* обычно не имела, как другие хэхэ, деревянного или каменного туловища и головы. Вместо них в одежду вкладывался кусочек сукна или к шубе пришивались шапка и пимы (рис. 15). Иногда вместо лица в шапку вставлялась медная бляшка. Основной функцией *мяд' пухуця* было облегчение родов, поэтому роженица во время родов держала ее обеими руками на животе, прося облегчения. После благополучных родов *мяд' пухуця* получала новую одежду, которую надевали поверх старой, или ей дарили колечко, ленточку, и т. п. К *мяд' пухуця* обращались также в случае болезни кого-либо из членов семьи.

Рис. 15. Мяд'пухуця (МАЭ, колл. № 979—48).

Как удалось установить во время экспедиции 1962 г. в Надымском районе, у каждой женщины могло быть несколько предметов культа, они передавались от матери к дочери. Наиболее почитаемым являлось изображение умершей шаманки из данного рода или фратрии (в данном случае имеется в виду род матери). Им пользовалась целая группа женщин, по мере надобности (при родах) изображение переносили из чума в чум. Другие *мяд' пухуця* изготовлялись каждой женщиной после рождения первой дочери и были как бы изображением последней. Вместе с «портретом» матери и своим женщина передавала дочери и ее изобра-

⁴⁴ О значении *я' небя* см.: Хомич Л. В. Представления ненцев о природе и человеке.

жение.⁴⁵ Таким образом, женщина, не принимавшая участия в отправлении культов, связанных с хозяйственной деятельностью, имела своих покровительниц среди духов, имела и свои предметы культа. Они хранились отдельно от других. В отличие от других предметов культа, мид' пухуця приносились только бескровные жертвы, оленей в их честь никогда не убивали.

Култ умерших и похоронный обряд. Похоронный обряд у ненцев описан многими путешественниками и исследователями конца XVIII — начала XX в.⁴⁶ Среди специальных работ следует отметить две статьи Г. Н. Грачевой, посвященные конструкции погребальных сооружений и терминологии, связанной с погребальным обрядом у ненцев.⁴⁷ Большой интерес представляют черновые записи Г. Д. Вербова, относящиеся к этой теме.⁴⁸ Сведения о похоронном обряде собирались и автором настоящей работы во время экспедиций к ненцам.

В настоящей статье мы не имеем возможности дать полное описание похоронного обряда, а отметим лишь основные, наиболее характерные моменты, сохранявшиеся, видимо, на протяжении длительного времени.

Похороны происходили обычно на следующий день после смерти; за это время изготовляли гроб. Покойного не обмывали, а оставляли в одежде, находившейся на нем в момент смерти, или надевали на него ту, которую он носил последнее время. Затем обертывали — мужчину в кусок внутренней покрышки чума (*мюйко*), а женщину в покрывало от женской нарты (*ни'*), обвязывали веревками (в первом случае — от покрышки). Покойного выносили не через дверное отверстие чума, а приподняв крышку чума около места, где лежит умерший. Тело выносили головой вперед,⁴⁹ хотя некоторые авторы указывают на вынос ногами вперед,⁵⁰ что, возможно, является результатом влияния христианства. Сани, на которых везли умершего на кладбище, употреблялись разные для мужчин и для женщин. В первом случае это мужские легковые сани или сани *вандако*, во втором — обычно женские сани *не хан*. Вещи, предназначенные умершему, и доски для гроба везли на отдельных санях. Контингент лиц, принимавших участие в похоронах, видимо, не регламентировался строго, так как в источниках имеются противоречия. Так, например, П. И. Третьяков пишет: «Женщины и молодые люди не участвуют в похоронах».⁵¹ Об этом же сообщает К. Рычков.⁵² И. Лепехин же, напротив, отмечает деятельную роль женщин при совершении обряда: когда покойника вынесут из чума, то «переходят через него женщины и ребята, чтобы тем его опоганить, дабы поганому уже встать было не можно». И далее: «...отвезут на кладбище в провожании всех Сямоедов и Сямоедок, сколько их тут получится. По прибытии туда разрезают инки

⁴⁵ Подробно об этом см.: Хомич Л. В. О некоторых предметах культа надымских ненцев. — Сб. МАЭ, XXVII, Л., 1971.

⁴⁶ См.: Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. IV. СПб., 1805; Шренк А. Путешествие по северо-востоку..., и др.

⁴⁷ Грачева Г. Н. 1) Погребальные сооружения ненцев устья Оби. — Сб. МАЭ, XXVII, Л., 1971; 2) Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями. — В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972.

⁴⁸ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 70.

⁴⁹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 400; Шренк А. Путешествие по северо-востоку..., с. 467; Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. Л., 1947, с. 67.

⁵⁰ Третьяков П. И. Туруханский край. — Зап. РГО, 1869, т. 2, с. 398.

⁵¹ Там же.

⁵² Рычков К. Береговой род юраков. — Зап. Сиб. отд. ИРГО, Омск, 1916, т. XXXVIII, с. 117, 257.

(женщины, — Л. Х.) ремни, коими умерший опутан, делая при том на всякой части одеяния по малой прорехе...». ⁵³ По материалам, полученным в наши дни, женщины могут принимать участие в похоронном обряде, могут даже взять ребенка, но в похоронной процессии должно быть четное число детей.

В прошлом кладбища (*хальмер'*, *хальмер' уэсь'*), видимо, носили родовой характер. ⁵⁴ Родовая территория, как правило, находилась в районе летних кочевий. Нет точных сведений, хоронили ли женщину на кладбище ее рода или рода ее мужа. Вероятно, иногда это зависело от близости захоронений того или иного рода.

Кладбища обычно располагались на возвышенных местах по берегам рек. Размеры кладбищ бывали различны — от нескольких десятков до двух-трех захоронений.

Для ненцев характерны наземные захоронения, хотя, возможно, летом при отсутствии древесины хоронили и в земле. ⁵⁵ Конструкция погребального сооружения однотипна для всех групп ненцев. ⁵⁶ На п-ве Канин, в Большеземельской тундре наземные погребения встречались еще в 1930-е годы, а в пределах Ямало-Ненецкого национального округа они распространены почти повсеместно и в настоящее время.

Гроб *тин*, *пэмб'* ⁵⁷ делали в виде четырехугольного ящика, несколько приподнятого над землей и скрепленного системой вертикальных и горизонтальных планок. Вертикальные планки (их бывает две-три пары) значительно возвышаются над гробом (рис. 16). К паре планок, находящихся в головах покойного, прикрепляют горизонтальную рейку, на которую вешают колокольчик. Иногда гробами служили распиленные пополам лодки. ⁵⁸

В прошлом в гроб или могилу покойного обычно клали на левый бок. Существовали, видимо, варианты трупоположения, ⁵⁹ как и размещения гроба (могилы) относительно стран света.

С умершим в гроб клали все вещи, которыми он пользовался при жизни и которыми, согласно представлениям ненцев, должен был пользоваться в загробном мире. Так, в мужскую могилу клали топор, нож, долото и другие орудия производства и охоты, а также миску с ложкой, табакерку, трубку и т. п. В женскую могилу клали скребок для выделки шкур, швейные принадлежности, чашку, ложку и другие предметы хозяйственного обихода, запасную одежду и т. п. Все вещи непременно подвергались порче — протыкались, прорезались и т. д. Последний обычай существовал у многих народов, и объяснения ему давались самые

⁵³ Лепехин И. Дневные записки..., с. 117, 257.

⁵⁴ Шренк А. Путешествие по северо-востоку..., с. 467; Житков Б. М. Полуостров Ямал, с. 34, 230; Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту, с. 135; Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев. — Советская этнография, 1938, № 2, с. 64.

⁵⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 100; Лепехин И. Дневные записки..., с. 224; Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту, с. 115.

⁵⁶ По устному сообщению В. И. Васильева в 1972 г., у лесных ненцев встречались погребальные сооружения иного типа.

⁵⁷ Слово *тин* означает также «амбар». Термин *пэмб'* можно соотнести с глаголами *пэмэз* — «положить», *пэмбасэ* — «класть».

⁵⁸ Житков Б. М. Полуостров Ямал, с. 23; Грачева Г. Н. Погребальные сооружения ненцев устья Оби, с. 255. — На Ямале нам следующим образом объясняли, почему гроб бывает приподнят над землей с помощью планок: если будет поставлен прямо на земле, то «душу» заберет Ыа или другие вредоносные духи земли.

⁵⁹ В материалах И. Лепехина и К. Рычкова есть упоминания, что умершего клали лицом вниз.

различные. Современное объяснение у ненцев: чтобы этими вещами не могли пользоваться живые.

После того как покойник уложен в наземный гроб (или могилу) и все вещи уложены тоже, его закрывали досками, а сверху покрывали куском бересты или ткани (иногда бересту клали на доски). Затем возле захоронения убивали оленя (или оленей), на котором был привезен умерший (в конце XVIII—XIX в. оленей убивали кольями). Череп оленя с рогами вешали на вертикальную планку гроба, а мясо съедали присутствующие (часть сырым, часть сваренным на костре здесь же, у гроба).

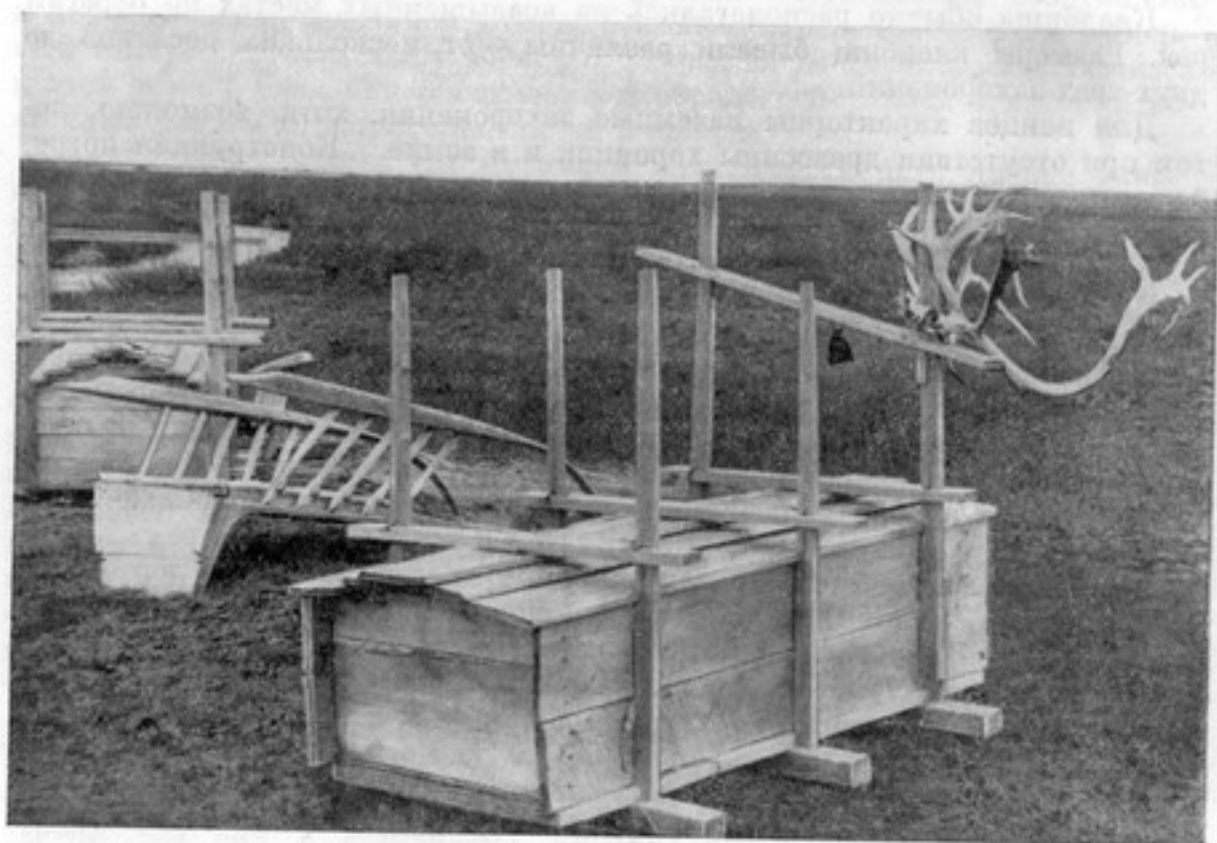

Рис. 16. Ненецкое погребение (МАЭ, колл. № И-1943—208).

В прошлом убитых оленей оставляли около гроба вместе с упряжью и саними — предполагалось, что они будут служить хозяину в загробном мире. Сани всегда переворачивали вверх полозьями, считая, что в загробном мире «все наоборот». Около гроба в землю втыкали хорей (шест для управления оленями).

По окончании обряда кто-либо из родственников умершего или шаман, ведавший погребальным обрядом (участие шамана не было обязательным), говорил, обращаясь к покойному: «Ты отправился в свою землю, иди своей дорогой и не приходи к нам».⁶⁰ Возвращались к чуму другой дорогой, затем очищались путем окуривания (обычно оленьим жиром). Часто чум переносили на другое место.

Маленьких детей хоронили, подвешивая в люльке к деревьям или воткнутой в землю палке.

Некоторые из описанных элементов похоронного обряда распространены не только у всех сибирских народов, но и у других народов мира (сопровождение тела умершего инвентарем, его порча, убой животных

⁶⁰ См., например: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям..., с. 101.

у могилы, очищение провожающих покойного и т. п.) и связаны с представлением о продолжении жизни какой-то части умершего после смерти его тела. В то же время погребальные сооружения ненцев отличаются от таковых даже других самодийских народностей.

Известным своеобразием отличался и культ умерших, зафиксированный у ненцев.

Обычно различают культ умерших (или мертвых) и культ предков.⁶¹ Некоторые авторы вообще отрицают наличие института культа предков у народов Сибири. Учитывая отсутствие среди ученых единства в определении самого понятия «культ предков», мы будем пользоваться более бесспорным термином «культ умерших», хотя, на наш взгляд, для культа предков не обязательны ни его родовой характер (возможен и семейный), ни гипертрофированная роль уз родства и старших возрастных групп, как это подчеркивается рядом исследователей.

Для ненцев было характерно изготовление после смерти главы семьи его изображения (или вместилища его «души»), носящего особое название *ытарма*. Отрывочные сведения о ытарма имеются в литературе. По материалам В. Иславина, относящимся к середине XIX в., «итарма делается в память прадедушки или прабабушки и суть божки, присутствующие при рождении младенцев».⁶² К. Д. Носилов рассказал о «портрете» мужа, который вдова кормила и за которым всячески ухаживала.⁶³ По материалам Г. Д. Вербова, ытарма — это предок мужчины или женщины, умерших давно, в преклонном возрасте. Изготавливали его из куска дерева, одевали и держали в чуме, кормили. Богатые оленеводы иногда убивали в жертву ытарма оленя. Делали ытарма через 7—10 лет после смерти данного человека и хранили очень долго, часто в третьем и четвертом поколении.⁶⁴

По материалам, полученным нами на Ямале в 1953 г., ытарма — изображение «души» человека, которое делается после его смерти и в котором якобы человек продолжает жить среди живых. Место ытарма в чуме — на *ва'ав* («постели»), а не в *си'* (священном месте против входа). Кормили ытарма первые месяцы после смерти человека, а потом обычно переставали это делать. Кормление ытарма происходило следующим образом: наливали в чашечку суп или чай, и он стоял некоторое время перед изображением умершего. Когда пища остывала, считалось, что ытарма поел, из чашки отливали немного в костер или под печку и давали остальное доедать или допивать детям.

Жительница Ныды Н. К. Салиндер (до замужества Ядне) рассказала в 1966 г. следующее: она жила в детстве одно время с бабушкой, которая хранила и почитала изображение прадеда мужа. Изображение представляло собой миниатюрный совик, поэтому его называли *сокэтя* (совик по-ненецки — *савак* или *сок*). Общее же название таких предметов культа — ытарма. В обязанности Н. К. Салиндер входило три раза в день сажать сокэтя к столу. Ему наливали в чашку еду. Она стояла некоторое время, потом девочка ее съедала и сажала сокэтя на место — на постель.

Как видим, сведения о ытарма недостаточно полны, есть некоторые противоречия (изготавливают сразу или через несколько лет после смерти, вскоре перестают кормить или кормят через несколько поколений). Однако, как представляется, этот культ у ненцев близок к культу предков. Не приходилось слышать, чтобы изготавливали ытарма молодых, а тем более детей. Близкая к ненецкой форма культа умерших была у хантов.

⁶¹ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

⁶² Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту, с. 116.

⁶³ Носилов К. Д. На Новой Земле. СПб., 1903, с. 18.

⁶⁴ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 70, с. 39.

Существовала еще одна форма почитания умерших — *хальмерха' хаууронта* (или *хауогома'*), примерно соответствующая поминкам. Они устраивались обычно весной до появления листьев (как только набухнут почки) и осенью. Если кладбище близко от чума, то хальмерха' хаууронта проводили в чуме, а если далеко, то ехали к могиле. На кладбище убивали оленя (у которого еще не появились молодые рога), варили на костре еду, разливали в чашки и не прикасались несколько минут — паршел умершим. В поминках участвовали родственники, находившиеся поблизости от кладбища в это время года.⁶⁵

У ненцев считалось недопустимым перезахоранивать умерших, даже что-то изменять или как-то подправлять гроб или место захоронения. Случайно разрушенную детскую могилу родители не стали подправлять, так как считалось, что кто-то из семьи умрет. Ненку, поставившую ограду вокруг могилы, осуждали по той же причине.⁶⁶

При посещении погребения (через год после смерти или во время хальмерха' хаууронта) можно было прикасаться только к колокольчику на перекладине в головах покойного. У канинских ненцев сохранились следы почитания черепа (или скелета) умерших. В 1958 г. на п-ве Канин приходилось слышать о ненце, который возил с собой на особых нартах череп и кости давно умершего отца.

Как следует из изложенного, система культов у ненцев была достаточно разработанной. Характерным является отсутствие четкой дифференциации объектов культа по функциям. (С просьбой о благополучии в оленеводстве и с соответствующим жертвоприношением могли обратиться к небу, хозяину урочища или к семейному духу-охранителю). Можно отметить деление предметов культа на женские и мужские.

Культы по характеру контингента участвующих в их отправлении можно разделить на общественные и семейные. Общественные носили родовой характер (почитание какого-либо объекта культа членами одного рода или родственных родов, — как правило, мужчинами) и общинный (кормление неба, например, в котором принимали участие жители определенного стойбища или поселка). К общественным формам культа следует отнести сезонные, связанные с оленеводством или промыслами, жертвоприношения на известных всем ненцам священных местах.

К семейным культам относились как жертвоприношения на урочищах — местах постоянного промысла членов данной семьи, так и кормления семейных духов-охранителей разных категорий.

Формы культа были различные: 1) кровавые жертвоприношения, сопровождаемые убоем оленя (*хан'*);⁶⁷ 2) бескровные жертвы — одаривание духов, точнее их материальных воплощений, новой одеждой, украшениями, монетами и т. п. (*хауор'*); 3) посвящение объектам культа живых оленей. Некоторые из этих форм культа сопровождалась определенными формулами обращения, которые изучены еще недостаточно.

⁶⁵ Данные автора, 1971 г., п-в Ямал, пос. Селемал.

⁶⁶ Данные автора, 1966 г., пос. Ныда.

⁶⁷ Слово *хан* в ряде тюркских языков означает «кровь».